

ПОЭТИКА РАННЕЙ ЛИРИКИ Р. М. РИЛЬКЕ В АСПЕКТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

А. Е. Сьянова

*преподаватель, соискатель
(Белорусский государственный университет, Беларусь, Минск)
syanovanastassia@gmail.com*

Статья посвящена рассмотрению творческого становления Р. М. Рильке на раннем этапе и анализу первых лирических сборников в аспекте диалога культур. Определение тематики ранних поэтических циклов позволяет сделать вывод о том, что в творчестве поэта органично сочетаются концепции и парадигмы западноевропейской и восточной традиций в духе теорий культурного диалога М. Бубера и М. М. Бахтина.

Ключевые слова: Р. М. Рильке; ранняя лирика Рильке; диалог культур.

POETICS OF EARLY LYRICS OF R. M. RILKE IN THE ASPECT OF DIALOGUE OF CULTURES

A. E. Syanova

*applicant, Ass. Lecturer
(Belarusian State University, Belarus, Minsk)
syanovanastassia@gmail.com*

The article is devoted to the consideration of the creative development of R. M. Rilke at an early stage and the analysis of the first lyric collections in the aspect of dialogue of cultures. Definition of the themes of early poetry cycles allows us to conclude that the poet's work organically combines concepts and paradigms of Western European and Eastern traditions in the spirit of the theories of cultural dialogue of M. Buber and M. M. Bakhtin.

Keywords: R. M. Rilke; early lyrics of Rilke; dialogue of cultures.

Европейская культурная традиция возникла и развивалась на пересечении различных культурных парадигм. Она вобрала в себя черты античного и библейского мира, стала итогом взаимодействия западноевропейских и восточнославянских культурных и философских концепций, объединила уникальные полюсы мировой культуры путем установления межкультурных связей в процессе постоянного межкультурного диалога. Творчество крупнейшего австрийского поэта Райнера Марии Рильке (*Rainer Maria Rilke, 1875 – 1927*) является ярким воплощением подобного диалога культур в литературе рубежа XIX – XX вв.

Детство поэта проходило в особой атмосфере Праги – города, в котором на протяжении многих веков переплетались многочисленные культурные традиции, а юность – в Богемии, в тесном соседстве с культурой славянских народов.

Р. М. Рильке много путешествовал по Европе, был в Италии, Дании, Швеции, Испании, Франции, изучал иностранные языки и знакомился с местными обычаями и традициями. Многочисленные исследователи творчества Рильке подчеркивают значительное влияние на мировоззрение поэта окружающей его атмосферы и неповторимого сочетания стилей и форм, господствовавшего в европейской культуре в эту эпоху. Е. А. Леонова отмечает: «Творчество Рильке не укладывается в рамки какого-то одного течения, не поддается однозначному определению его метод... Художник воспринял многочисленные и разнообразные влияния не только писателей (Лилиенкрона, Гофманстала, Тургенева, Верхарна и др.), но и живописцев, скульпторов..., синтезировал в своем мироощущении и творчестве нравственно-философские ценности разных эпох и народов» [1, с. 205].

Образный мир Рильке претерпевает изменения на протяжении всего развития его творческого дара. Первые стихотворные сборники «Жертвы ларам» («*Larenopfer*», 1895), «Венчанный снами» («*Traumgekrönt*», 1896), «Перед Рождеством» («*Advent*», 1897) созданы под влиянием поэзии Г. Гейне, немецких романтиков, чешской народной поэзии:

Где бы розу поалее
для букета мне сыскать?
Девушку, что всех милее,
в светлой липовой аллее
я хотел бы повстречать.
(Пер. Т. Сильман)
Из сборника «Жертвы ларам» [2]

Тематика этих сборников ограничивается пространственным контекстом (описание Венеции, Праги, Богемии) и подчиняется стремлению поэта отразить окружающее многообразие в художественном слове.

«Книга образов» (*Das Buch Der Bilder*, 1902.) также связана с ранними поэтическими опытами Рильке. Картины, или образы, создаваемые поэтом, являются наглядной иллюстрацией особого взгляда на мир: обращая внимание на отдельные вещи или явления, Рильке стремится раскрыть их внутреннюю сущность, переименовать существующие явления и предметы. В произведениях этого периода прослеживается рациональность, описательность и художественная наглядность, берущие свое начало в античной литературной традиции. От романтических стихотворений-песен Рильке переходит к новой форме, в которой можно проследить путь поэта к созданию особых, пластичных стихотворений более зрелого периода. Якоб Штейнер (Jacob Steiner), исследуя эволюцию поэтического таланта Р. М. Рильке, пишет: «Вторая эпоха в жизни и творчестве Рильке подошла к концу. Следующая должна была привести его на вершину художественного совершенства. «Книга образов» показывает поэта на пути к нему. Заглавие намекает на визуальность и, согласно определению слова «картина», на

зрительные компоненты языка» [3, с. 163]¹ (Здесь и далее подстрочный перевод наш, – А.С.). Стихотворение «Предчувствие» («Vorgefühl») считается одним из центральных произведений сборника «Книга образов». В нем Рильке говорит об осознании своего места в мире, об одиночестве поэта-творца, вступающего в борьбу с современным обществом и отстаивающего свою творческую независимость:

Я с напряженностью флага вдаль устремляюсь.
Влага бури дальней мне внятна, и я с этой бурей сливаюсь,
В то время, как все, что внизу, дремлет, не веря...
(Пер. В. Куприянова)
[4, с. 255].

Несмотря на неприятие стремлений поэта современниками, Рильке не покидает «предчувствие», что он и дальше будет следовать выбранному пути. Особой динамикой отличаются стихотворения «Der Lesende» («За книгой») и «Der Schauende» («Созерцание»). Оба произведения – предвестники возникновения жанра «стихотворения-предмет» («Ding-Gedicht»), который станет определяющим в дальнейшей лирике Рильке. Поэту подвластно все, он сам устанавливает связь между явлениями и предметами, сам инициирует диалог с окружающим миром. Образы его поэзии перерастают обыденность и растворяются в бесконечном пространстве:

Но надо глубже вжиться в полутьму
и глаз приноровить к ночным громадам,
и я увижу, что земле мала
околица, она переросла
себя и стала больше небосвода,
а крайняя звезда в конце села —
как свет в последнем домике прихода.
(Пер. Б. Пастернака)
[4, с. 269]

Знакомство Рильке с русской культурой во время поездок по Москве и Петербургу открыло перед поэтом другой мир. Увлечение этим миром вылилось в создание одного из первых значимых сборников «Часослов» (1903). Он написан, по словам А. Г. Березиной, «как собрание молитв, содержащих недоумение поэта, неудовлетворенного миром, адресованные к Богу» [5, с. 119]. Здесь же появля-

---

¹ «Damit ging die zweite Epoche in Rilkes Leben und Werk zu Ende. Die nächste sollte ihn zu Höhe künstlerisches Vollendung bringen- Das Buch der Bilder zeigt ihn auf dem Wege dazu- Der Titel weist auf das Visuell und, je nach der Bedeutung des Wortes „Bild“, die visuelle Komponente der Sprache hin».

ются в поэзии Р. М. Рильке предпосылки для установления диалога *Я – Ты* в духе М. Бубера, где *Ты* – это субъект общения, к которому обращена поэтическая речь. М. Бубер рассматривает все бытие человека в новом философском ключе, акцентируя внимание в исследовании культурных процессов не на исторических закономерностях их возникновения, а на взаимодействии субъектов культуры. Эти субъекты представлены в виде диалога сфер *Я, Ты* и *Оно*: «Акцент внутри такой антологии, внутри попыток постичь тайны человеческого бытия переносится на взаимоотношение людей, на методы разговора и вслушивания; здесь и проявляется диалог в качестве способа услышать голос Другого – причем это может быть и Бог, и Мир, и человек» [6, с. 192]. Согласно теории М. Бубера, каждый индивид представляет собой *Я*, вступающее в бесконечный диалог с другим сознанием *Ты*. Этот диалог находится вне рамок, он не подчиняется законам стройной логической мысли и существует в области трансцендентного: «Онтология Бубера, напомним, теологическая; признается, что действуя со всеми предметами, общаясь с Ты, Я устанавливаю отношение и с вечным Ты» [6, с. 205]. Культура же воспринимается как бесконечное вопрошание и общение на уровне, в первую очередь, бессознательного, а акт создания произведения – как сотворение диалога, установления связи с другим сознанием, как обращение к вечному *Ты*. Таким способом связи становится для Рильке сборник «Часослов» – одна из вершин творчества поэта. Г. В. Синоло отмечает: «...Именно «Часослов» – первая цельная, глубоко продуманная по структуре и очень сильная в художественном отношении поэтическая книга Рильке. Само ее название – *Das Stunden-Buch* – является калькой со славянского названия молитвенника, где молитвы распределены по часам и куда включены фрагменты Псалмов (так называемая следованная Псалтирь). Таким образом, непосредственным претекстом «Часослова» является православный молитвенник, шире – русская православная культура, затронувшая глубокие струны души поэта» [7, с. 71].

В этом стихотворном цикле он решает множество философских и художественных проблем. Каким же Рильке представляется трансцендентное *Ты* (Бог) с которым постоянно беседует поэт? В сборнике этот образ связан с темнотой, туманной дымкой, мраком, сквозь которые пробивается божественное сияние:

Du Dunkelheit, aus der ich stamme,
 Ich liebe dich mehr als die Flamme,
 Welche die Welt begrenzt,
 Indem sie glänzt
 Für irgend einen Kreis,
 Aus dem heraus kein Wesen von ihr weiß [8, с. 258]

(«*Ты – темнота, из которой я происхожу, / я люблю тебя больше, чем пламя, / что ограничивает мир / и сверкает в каждом круге, / о котором никакой сущности неизвестно снаружи*»).

По представлению Рильке, Бога можно найти в тишине ночи, в смирении и одиночестве, потому что через этот мрак («Dunkelheit»), неясность, мглу Бог дает знак человеку о Своем присутствии – зримый знак того, что принципиально незримо. «Ich glaube an Nächte...» («Я верю в ночи») – именно это высказывание становится определяющим для всего сборника. Якоб Штейнер отмечает: *«Так имя Бога становится обозначением невыразимого или до сих пор невысказанного, того, что хочет выразить поэт своим паломничеством... Но это понимание шире христианского прочтения и не внутренняя цель высказывания, а повод расширить границы высказывания в область невыразимого»* [3, с. 165]².

В целом творчество Рильке этого периода является уникальным примером объединения различных культурных традиций в едином поэтическом пространстве. Поэт, находясь под влиянием как западноевропейской, так и восточной культуры, создает собственный поэтический мир, где пересекаются и взаимодействуют в процессе бесконечного диалога различные культурные и философские концепции, органично переплетаются античная рациональность и библейская образность, христианская эстетика и панентеистская концепция «всё в Боге и Бог во всем». Такая мировоззренческая позиция Р. М. Рильке во многом пересекается с классической концепцией М. М. Бахтина о диалоге культур, который подразумевает возникновение принципиально новых смыслов и культурных явлений на границе взаимодействия различных культурных парадигм: *«Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила; мы ищем в ней ответы на наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины»* [9, с. 334]. Этот диалог культур проявляется как в тематике, так и в языковых и стилистических особенностях поэзии Рильке, и становится важным источником творческой энергии поэта. Поэтика ранней лирики Рильке предвосхищает многие идеи, которые позже будут развиты в его зрелых произведениях.

Библиографический список

1. Леонова, Е. А. Райнер Мария Рильке / Е. А. Леонова // Ковалева Т. В. и др. История зарубежной литературы (вторая половина XIX – начало XX века). – Минск, 1997. – С. 204–209.

2. Рильке, Р. М. Книга образов / Р. М. Рильке [Электронная книга]. – URL: <https://predanie.ru/book/216705-kniga-obrazov/> (дата обращения: 20. 12. 2023).

---

² «So erscheint denn der Name Gott als die Beziehung für das Unsagbare oder bisher nicht Gesagte, das der Dichter in Mönchswand aussagen will... Es ist aber weitgehend des christlichen Gehalts enkleidet und nicht inhaltliches Ziel der Aussage, sondern der Anlaß, die Grenze des Sagens weiter hinauszuschieben in das Gebiet des Unsagbaren».

3. Steiner, J. Reiner Maria Rilke / J. Steiner // H. Steinecke. Deutsche Dichter des 20. Jahrhunderts. – Berlin, 1994. – S. 158–175.
4. Рильке, Р. М. Новые стихотворения. Новых стихотворений вторая часть / Р. М. Рильке. – М., 1977. – 543 с.
5. Березина, А. Г. Поэзия и проза молодого Рильке / А. Г. Березина. –Л., 1985. – 183 с.
6. Длугач, Т. Б. Диалог в современном мире: М. Бубер – М. Бахтин – В. Библер / Т. Б. Длугач // Историко-философский ежегодник. – М. : Аквилон, 2015. – С. 191–242.
7. Синило, Г. В. Библейская архитекстуальность в «Часослове» Р. М. Рильке / Г. В. Синило // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2018. – № 10 – С. 68–79.
8. Rilke, R. M. Das Stunden-Buch / R. M. Rilke // R. M. Rilke. Sämtliche Werke : in 6 Bd. – Frankfurt am Main, 1987. – Bd. 1. – S. 249–341.
9. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 503 с.